

**КУРЫЛЁВ Сергей Александрович / KURYLIOV Sergey**

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University  
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg  
[st062559@student.spbu.ru](mailto:st062559@student.spbu.ru)

**ЖУКОВСКАЯ Татьяна Николаевна / ZHUKOVSKAYA Tatiana**

Санкт-Петербургский институт истории РАН / St. Petersburg Institute of History,  
the Russian Academy of Sciences  
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg  
[tzhukovskaya@yandex.ru](mailto:tzhukovskaya@yandex.ru)

## ***UNIVERSITAS И CHOLERA MORBUS: УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА В ГОДЫ ЭПИДЕМИЙ 1831 И 1848 ГОДОВ***

*UNIVERSITAS AND CHOLERA MORBUS: EDUCATIONAL INSTITUTIONS  
OF PETERSBURG DURING THE EPIDEMICS OF 1831 AND 1848*

**Abstract:** The article presents how, against the background of the devastating cholera epidemics that swept away in Russia in 1830–1831, according to incomplete data, almost 200,000 lives, and in 1848–1849 much more, sanitary and anti-epidemic measures were taken in the educational institutions of the Ministry of Public Education. A feature of St. Petersburg University and the Main Pedagogical Institute was the residence of a large number of state students in the building of the Twelve Colleges and other buildings. The usual sanitary measures developed by that time by the administration of educational institutions on the recommendations of physicians, as well as special anti-cholera measures, which included daily monitoring of students to identify sick people, prohibition of their contact with relatives, cleaning of premises, and announcement of extraordinary long vacations, turned out to be very effective. If among the professors of the university there were sick and died from cholera, then among the students in 1831, according to archival data, not a single death was recorded, and in 1849 only one student fell ill with cholera.

**Ключевые слова / Key words:** История эпидемий, холера, Министерство народного просвещения, Главный педагогический институт, Санкт-Петербургский университет / History of Epidemics, Cholera, Ministry of Public Education, Main Pedagogical Institute, St. Petersburg University

Научная актуальность исследования истории эпидемий и противодействия им заметно возросла во всем мире в связи с пандемией коронавируса. Глобальная вспышка COVID-19 потребовала оперативной выработки как необходимых способов противодействия самой болезни, так и системы мер против распространения вируса. Обращение к истории противодействия общества различным болезням и их распространению во время пандемий интересно с научно-исторической точки зрения. В XIX в. содержательный опыт противостояния эпидемиям был накоплен как в Европе, так и в России в отношении холеры. Этот опыт фиксировался в законодательстве, ведомственном делопроизводстве, отразился в мемуарных и эпистолярных источниках. Медицинские и административные меры

по борьбе с холерой неплохо исследованы в отношении российских городов и особенно столиц<sup>1</sup>. Самостоятельным предметом исследований становится влияние эпидемии, а также мер по борьбе с ней на общественные настроения, что получило отраженное в эго-документах, периодике, донесениях полиции<sup>2</sup>. Совершенствование противоэпидемических мер и организации здравоохранения и их эффективность получили характеристику в работах по истории медицины.

Холера была одним из самых смертоносных и массовых заболеваний в XIX — начале XX в. Достаточно сказать, что в XIX в. было пять больших пандемий холеры в мире (1817–1823, 1826–1837, 1846–1862, 1864–1872, 1883–1896 гг.)<sup>3</sup>. Холера была вездесуща, вызывала «в народе безотчетный страх и ужас»<sup>4</sup>, часто распространялась в армии, ведущей военную кампанию. Например, во время подавления Польского восстания 1830–1831 гг. холера унесла жизни более 12000 русских солдат<sup>5</sup>, немалой была смертность от холеры во время Венгерского похода русского экспедиционного корпуса (1849 г.) и во время Крымской войны.

Сильнейшая вспышка холеры в России случилась в 1830–1831 гг. Продвигаясь с юга страны, летом 1830 г. болезнь распространилась в Москве, а июнь 1831 г. был отмечен первыми холерными больными в Петербурге. Масштаб распространения заболевания и смертность от холеры приняли ужасающий характер: в 1831 г. в России числилось заболевшими холерой 466 457 человек, из них умерло 197 069, то есть 40%<sup>6</sup>. Исследование противодействия холере во время первой эпидемии важно, поскольку именно тогда в быстро меняющейся обстановке вырабатывались меры, способные сдерживать распространение холеры, но при этом предлагались и неэффективные и даже вредные решения.

Эпидемия холеры 1831 г. достигала наибольшей интенсивности на юго-западе России — в Бессарабской области, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической губерниях и в области Войска Донского, где процент умерших на 1000 человек населения колебался от 9,3 до 20,3<sup>7</sup>. В Петербурге

<sup>1</sup> *McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison, 1965; Барабанова К. С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017; Landowski Z. Reakcje społeczne na pierwszą pandemię cholery w carskiej Rosji na podstawie przeglądu prasy i dokumentów z epoki (XIX w) // Studia historica gedanensia. 2021. T. XII. S. 289–323.*

<sup>2</sup> *Высочков А. В., Шелаева А. А. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // Studia historica gedanensia. 2021. T. XII. S. 259–288; Батиев М., Трифонова С. Память о холере 1830–1831 годов в Москве в дневниках, письмах и мемуарах // Историческая экспертиза. 2020. № 3. С. 184–201.*

<sup>3</sup> *Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. Материалы и очерки / Под ред. А. И. Метелкина. М., 1960. С. 247.*

<sup>4</sup> *Золотницкий В. Н. Азиатская холера: причина её, пути распространения и меры борьбы с нею. Нижний Новгород, 1919. С. 6.*

<sup>5</sup> *Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. С. 248.*

<sup>6</sup> Там же. С. 250.

<sup>7</sup> *Архангельский Г. П. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-ти-летний период 1823–1872 гг. СПб., 1874. С. 117.*

смертность от холеры также была высока. По официальным данным, из проживавших в 1831 г. в Петербурге 448 221 человек (эта цифра не включает воинских чинов и десятки тысяч сезонных рабочих) с 14 июня по 5 ноября заболело 9 245 человек, из которых умерло 4 757, т. е. более половины<sup>8</sup>. Конечно, это было связано с плотностью населения в столице, особенно в летний период, и неудовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями жизни большинства горожан, особенно беднейших слоев.

Важной причиной взрывного распространения холеры стала неосведомленность городских жителей об источниках инфекции и характере болезни, ложные слухи и паника. 5 июля 1831 г. на Сенной площади вспыхнул бунт «черни», подавленный только силами полиции, а также личным появлением Николая I перед народом. Обстоятельства «усмирения» бунта, итоги следствия о его «зачинщиках» и жертвах еще не стали предметом развернутого исследования<sup>9</sup>, однако понятны выводы, которые сделало правительство. Результатом этих событий стали жесткие административно-полицейские меры в столице, соединенные с широкой пропагандой противоэпидемических мер, созданием медицинских и социальных барьеров на пути холеры. В целом, эти меры оказались своевременны и эффективны, именно благодаря им холера практически не задела учебные заведения, подведомственные Министерству народного просвещения.

Петербург являлся не только административным, но и научно-образовательным центром империи. Здесь находились высшие учебные заведения (Горный институт, Технологический институт, Главный педагогический институт, Императорский университет), военно-учебные заведения, гимназии. Сравнительное изучение мер, принимаемых в учебных заведениях Петербурга во время холерных эпидемий 1830–1831 и 1848 гг. является целью настоящей статьи. Не менее важно оценить само восприятие чрезвычайной обстановки современниками и их поведение, на примере представителей «ученого сословия».

Вскоре после начала эпидемии холеры в Петербурге был создан «Комитет для принятия мер противу распространения холеры в здешней столице», который возглавил петербургский военный генерал-губернатор П. К. Эссен. В обязанности Комитета входило развертывание предохранительных мероприятий, к которым относились временные обсервационные заставы<sup>10</sup>, оцепление городских кварталов, организация временных холерных больниц и кладбищ. Комитет отвечал за разработку мероприятий по борьбе с распространением эпидемии<sup>11</sup>.

<sup>8</sup> *Барабанова К. С.* Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане... С. 31, 118.

<sup>9</sup> Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург). Ф. 36. Оп. 2. Д. 346: Дело о изыскании причин и виновников беспокойств, возникших 22 июня на Сенной торговой площади. 222 л.

<sup>10</sup> То есть противоэпидемические меры, локализующие людей для предварительного наблюдения и выявления признаков болезни или их отсутствия.

<sup>11</sup> *Барабанова К. С.* Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношения горожан к ним // Труды Института российской истории РАН. Вып. 12. 2014. С. 130–131.

Министерство внутренних дел 25 июня 1831 г. издало «Краткое наставление к распознаванию признаков холеры, предохранения от оной и средства при первоначальном ее лечении», составлявшееся, скорее всего, в спешке и потому избыточное довольно странными формулировками и рекомендациями, которые были, в частности, отмечены бароном И. Р. Ховеном. Он писал, что «ничто так не располагало к страху, к унынию и к беспокойству духа, как беспрерывно издаваемые правительством предостережения, наставления, распоряжения (кои тут же отменялись), попечительские посещения, ежедневные разнородные требования полиции, тревожившие и наводившие страх на жителей столицы»<sup>12</sup>. Можно полагать, что у общества во время эпидемии возник запрос на понятные, последовательные и эффективные меры борьбы с болезнью. Таких мер в самом начале появления холеры в Петербурге разработано не было. Сомнительные и даже вредные рекомендации вроде ношения «набрюшников», натирания тела и рук уксусом, использования хлора для обеззараживания предметов и пищи не могли препятствовать распространению холерного вибриона, которое происходило через источники воды и при близком контакте с зараженными.

Для борьбы с холерой создавалась сеть оцеплений и карантинных. Транспортные сообщения между городами, а также между Петербургом и пригородами было прервано<sup>13</sup>. Н. В. Гоголь в письме В. А. Жуковскому в Царское Село отмечал, что «карантины превратили эти 24 версты (расстояние от Санкт-Петербурга до Царского Села. — С. К., Т. Ж.) в дорогу от Петербурга до Камчатки»<sup>14</sup>.

21 июня 1831 г. А. В. Никитенко, тогда адъюнкт-профессор университета, оставил в своем дневнике следующую запись: «Мы с попечителем осматривали наши учебные заведения; благодаря судьбе в них еще не появилась холера»<sup>15</sup>. Эта запись сделана в момент наибольшей заболеваемости в столице. Буквально на следующий день на Сенной площади произошел холерный бунт.

Вскоре болезнь начала уносить жизни преподавателей и воспитанников учебных заведений Петербурга. В университете от холеры умерли профессор физики Н. П. Щеглов и историк Т. О. Рогов<sup>16</sup>. А. В. Никитенко фиксирует в дневнике: «26 июня 1831 г. Вот и возле нас холера сразила несколько жертв. Профессор физики Щеглов, проработав около шести часов, умер. Кастелянша в пансионе сегодня занемогла и через пять часов тоже умерла. Умер и профессор истории Рогов».

В таких обстоятельствах настроение жителей столицы было подавленным. Никитенко пишет: «Жертвы падали вокруг меня, пораженные невидимым,

<sup>12</sup> Ховен И. Р. Холера в Санкт-Петербурге в 1831 году // Русская старина. 1884. Т. 44. С. 396.

<sup>13</sup> Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. С. 257.

<sup>14</sup> Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений / Гл. ред. Н.Л. Мещеряков; АН СССР, Ин-т литературы (Пушкин. дом). Т. 10. Письма. 1820–1835 / ред. В.В. Гишпиус. М., 1940. С. 207.

<sup>15</sup> Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 1. 1826–1857. С. 107.

<sup>16</sup> Там же. С. 108.

но ужасным врагом. Попечитель до того растревожился, что сделался болен: а теперь болезнь и смерть синонимы. По крайней мере, так думают все. В сердце моем начинает поселяться какое-то равнодушие к жизни. Из нескольких сот тысяч живущих теперь в Петербурге всякий стоит на краю гроба — сотни летят стрелглав в бездну, которая зияет, так сказать, под ногами каждого». Это настроение подавленности, фатальной готовности к смерти, совпадает с настроениями москвичей, пережившими подобное годом раньше. Вот что писал профессор Московского университета М. П. Погодин своему коллеге С. П. Шевыреву в Италию: «Пишу к тебе, любезный Степан Петрович. Помолись о Москве в храме Святого Петра и обо мне, особенно если я достойнее других. В южной и юго-восточной России свирепствует зараз *cholera morbus*. Есть близко Москвы. Все меры взяты теперь: везде карантин, город оцеплен. Университет заперт, фабрики распускают. На днях у нас несколько человек умерло с признаками сомнительными, а город уныл был ужасно»<sup>17</sup>.

Внешними признаками болезни считались: бледность, похудение лица, впалые глаза, сухой бледный язык, слабые пульс и дыхание, холодные руки и ноги. От появления первых признаков заболевания до смерти проходило один-два дня, а то и всего несколько часов. Изнуряющий понос и резкое обезвоживание оставляли человеку мало шансов справиться с болезнью, которая заканчивалась потерей сознания, судорогами, смертью.

Руководителям учебных заведений необходимо было в кратчайшие сроки разработать систему мер противодействия болезни, поскольку у них перед глазами имелся печальный опыт Москвы, где холера проникла даже в Московский университет, закрытый в связи с эпидемией на целых полгода. А. И. Герцен поставил холеру наряду с визитом в университет А. фон Гумбольдта и будущего министра С. С. Уварова в число самых значимых событий своего университетского курса<sup>18</sup>. Также Герцен оставил описание умершего от холеры студента Московского университета: «Утром один студент политического отделения почувствовал дурноту, на другой день он умер в университетской больнице. Мы бросились смотреть его тело. Он исхудал, как в длинную болезнь, глаза ввалились, черты были искажены; возле него лежал сторож, занемогший в ночь»<sup>19</sup>.

Отметим, в петербургских учебных заведениях меры предосторожности от холеры были приняты еще осенью 1830 г., когда болезнь появилась в Москве, и стало понятно, что Петербургу ее тоже не избежать. Руководители учебных заведений обязаны были *ежедневно* представлять министру народного просвещения донесения о количестве принятых в лазарет воспитанников, с информацией о характере заболеваний. О случаях обнаружения холеры или подозрений на нее

<sup>17</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина СПб., 1890. Т. III. С. 205.

<sup>18</sup> Герцен А. И. Былое и думы / Вступ. статья В.А. Путинцева; примеч. Н.П. Ждановского. Т. 1. Ч. 1–3. М., 1958. С. 133.

<sup>19</sup> Там же. С. 138.

министру следовало доносить немедленно<sup>20</sup>. Превентивные меры разрабатывались врачами разных учебных заведений и в основе своей были схожи. Так, штаб-лекарь Главного педагогического института Рейнгольд Ниберг рекомендовал придерживаться следующих мер: «1) Воздух во всех комнатах должен быть как можно чище, для того нужно почаще отворять форточки, курить дегтем, уксусом или хлорином и протапливать в сырых комнатах; 2) Беречься простуды, одеваться теплее и ноги держать в сухой обуви; 3) Не обременять желудок излишнею и неудобоваримую пищей; строго запретить есть яблоки, сливы, дыни, арбузы, огурцы, сырую репу, морковь и тому подобные овощи; 4) Соблюдать наибольшую чистоту тела, переменять сколь возможно чаще белье и чаще ходить в баню; 5) Не выпускать до времени воспитанников из заведения, запретив им всякое сношение с приходящими к ним лицами»<sup>21</sup>. Р. Ниберг также предлагал «для поддержания крепости телесных сил, тесно связанных с душевными... сократить их (воспитанников. — С. К., Т. Ж.) умственные занятия»<sup>22</sup>. Для служителей института помимо первых четырех пунктов предлагалось «запретить, притом строго, излишнее употребление горячих напитков и не выходить утром с тощим желудком».

В предписании о мерах предосторожности против холеры для Института Корпуса инженеров путей сообщения было отдельно оговорено, как поступать в случае смерти холерного больного: «Если случится (чего боже сохрани), что такового больного от неподания ему скорой помощи постигла бы смерть, то находившееся на нем белье и кровать должны быть прежде их употребления хорошо вымыты и по крайней мере четверо суток выветрены. Самого же мертвого погребать не далее, как по прошествии суток»<sup>23</sup>.

Холера не миновала учебные заведения. Тот же А. В. Никитенко сообщает, что в Екатерининском институте, где он преподавал, от холеры умерли четыре воспитанницы<sup>24</sup>. Петербургский университет так же, как и ранее Московский, был закрыт на карантин, а занятия прерваны. Как отмечал Ф. Н. Фортунатов, курс университета, начавшийся в феврале 1831 г., был продлен до июня 1832 г. и вместо годового стал полуторагодовым, поскольку студентам были предоставлены продолжительные каникулы в связи с эпидемией холеры<sup>25</sup>. Научная карьера самого Ф. Н. Фортунатова была сломана холерой. Он в составе еще нескольких лучших выпускников университета был отобран для отправки в 1831 г. в Дерптский профессорский институт, но вынужден был отказаться от этой перспективы из-за смерти от холеры обоих родителей и необходимости помогать родным. Он был

---

<sup>20</sup> Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 13. Оп. 1. Д. 3586. Л. 1.

<sup>21</sup> Там же. Л. 5–5 об.

<sup>22</sup> ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3586. Л. 5–5 об.

<sup>23</sup> ЦГИА СПб. Ф. 381. Оп. 13. Д. 418. Л. 16.

<sup>24</sup> *Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. 1826–1857... С. 109.*

<sup>25</sup> Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы // Русский архив. 1869. № 2. Стб. 310.

направлен учителем в Вологодскую губернскую гимназию, впоследствии стал директором Олонецкой губернской гимназии.

Примечательно, что в отдаленных губерниях Петербургского учебного округа директора училищ получили право самостоятельно принимать решение о закрытии учебных заведений. Так, директор училищ Вологодской губернии сообщил ректору Петербургского университета о том, что, приняв во внимание появившуюся в городе холеру, он принял решение с 24 сентября 1830 г. закрыть учение в гимназии и состоящих при ней училищах, учение продолжилось только в гимназическом пансионе, питомцы которого находились в изоляции. Свое решение директор училищ аргументировал тем, что «в училищном доме учатся 176 воспитанников разного звания учеников, поэтому болезнь могла быстро распространиться»<sup>26</sup>. Когда болезнь отступила, учебные заведения были открыты. Однако в конце октября 1830 г. в Вологде вновь обнаружили признаки холеры, поэтому губернская гимназия и училища, кроме гимназического пансиона, с 25 октября были вновь закрыты<sup>27</sup>.

Ситуация эпидемии в столице осложнялась тем, что в городских низах распространялись слухи о том, что никакой реальной болезни нет, а врачи обманывают людей. Такие слухи были далеко не безобидными — над врачами совершались самосуды, их избивали до смерти, врываются в лечебницы и уводили оттуда больных. Обстановка осложнялась тем, что советы по профилактике и лечению холеры были разнообразными и зачастую противоречивыми, поскольку в то время существовало несколько теорий о причинах распространения болезни, методах ее профилактики и лечения. Вплоть до 1883 г. «не только темный русский народ, но и сами врачи точно, определенно не знали ни возбудителя азиатской холеры — ее живой заразы, ни путей ее передачи, ни более или менее верных мер борьбы с ней»<sup>28</sup>.

Врачи ситуацию переломить не могли и при этом рисковали собственными жизнями ради спасения людей. Так, член медицинского совета при Центральной комиссии для прекращения холеры врач Матвей Яковлевич Мудров умер от холеры в 1831 г.<sup>29</sup>

Наиболее разрушительной для России по числу умерших была холерная эпидемия 1847–1848 гг. Жестоко пострадала от нее и столица империи. В конце июня 1848 г., на пике эпидемии, число заболевших в Петербурге превышало 1000 человек в день<sup>30</sup>.

А. В. Никитенко на этот раз подробно и бесстрастно фиксирует в дневнике число заболевших и умерших, в том числе имена крупных чиновников и

<sup>26</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 314. Л. 1–1 об.

<sup>27</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 24. Д. 314. Л. 3–3 об.

<sup>28</sup> *Золотницкий В. Н.* Азиатская холера... С. 6.

<sup>29</sup> *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России... С. 258.

<sup>30</sup> *Шерих Д. Ю.* Агонизирующая столица: Как Петербург противостоял семи страшнейшим эпидемиям холеры. М.; СПб., 2014. С. 61

аристократов, продолжая перемещаться с дачи в город по делам службы. Как биограф он с горечью пишет о смерти бывшего профессора философии А. И. Галича, уволенного из университета еще в 1821 г.: «В 1848 г. посетила Петербург холера, и между тысячами обреченных ей жертв в Галиче нашла она готовую для себя добычу. В начале весны, как обыкновенно, он переехал в Царское Село, чтобы провести там лето. И, несмотря на то, что он не принимал никаких предосторожностей против опасного и беспощадного врага и продолжал свой образ жизни, холера не вдруг поразила его. Целое лето он провел с обычной своею беззаботностью, как бы забытый ею, и уже в сентябре месяце, 9-го числа, когда она, по-видимому, начала ослабевать, почувствовал первые припадки болезни и, хотя в жестоких, но непродолжительных страданиях скончался того же дня. Ему было около 65 лет. Посреди всеобщей паники, произведенной эпидемией, всякий заботился о себе; ученики, почитатели и друзья Галича, рассеянные в разных частях Петербурга или в его окрестностях, спустя уже несколько дней узнали о его кончине; никто из них не сопровождал его до могилы»<sup>31</sup>.

При этом руководство и медицинская часть учебных заведений к тому времени оказались во всеоружии перед лицом холеры. В некоторых училищах столицы по официальным данным вообще не было выявлено заболевших. Причину этого можно усматривать, как в случае с Главным педагогическим институтом, в особом закрытом характере учебного заведения, а также в режиме карантинных мер, которые сводили внешние контакты воспитанников к минимуму и позволяли постоянно наблюдать за их состоянием и занятиями.

В Санкт-Петербургском университете, в 1848 г. располагавшемся в здании Коллегий вместе с Главным педагогическим институтом, все казенные студенты жили на частных квартирах, но аудитории постоянно окуривались специальным составом, лекарь регулярно проводил освидетельствование студентов. В отличие от 1831 г. не было зафиксировано смертных случаев среди преподавателей. Известно, что в 1849 г. умер студент университета Юлиан Садовский, «предположительно от холеры»<sup>32</sup>. Других заболевших и умерших от холеры среди студентов официальное делопроизводство не фиксирует. В университете, как и в Главном педагогическом институте, благодаря превентивным и обсервационным мерам обстановка оставалась спокойной. Важно отметить, что система этих мер, усиленная и дополненная специальными антихолерными распоряжениями властей, в учебных заведениях вырабатывалась в предшествующие 30 лет, при борьбе с «обычными» инфекционными болезнями (чахотка, скарлатина, корь), которые в условиях совместного проживания студентов были их постоянными спутниками и иногда заканчивались смертельными случаями.

---

<sup>31</sup> *Никитенко А. В.* Александр Иванович Галич, бывший профессор философии в С.-Петербургском университете // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Январь. Ч. CXLI. С. 65.

<sup>32</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6748.



Таким образом, можно констатировать, что высшая школа Петербурга во время первого появления холеры в столице использовала в целом эффективные меры борьбы с заболеванием. Во многих учебных заведениях не было ни одного заболевшего воспитанника. Эффективными средствами борьбы с эпидемией, позволившими избежать жертв, были ограничение контактов служащих и воспитанников с третьими лицами, даже с самыми близкими родственниками, обычные санитарные меры, практиковавшиеся в закрытых учебных заведениях и ежедневный врачебный контроль. В 1848–1849 гг. эти меры проводились так же строго как во время предыдущей эпидемии и не привели к массовой заболеваемости учащихся, в то время как количество заболевших горожан в это время в несколько раз превысило показатели 1831 г.

### Список литературы

Архангельский, Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-ти-летний период 1823–1872 гг. / Г. И. Архангельский. — Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1874. — 356 с.

Барабанова, К. С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношения горожан к ним / К. С. Барабанова // Труды Института российской истории РАН. Вып. 12. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 129–143.

Барабанова, К. С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации: дис. ... канд. ист. наук / Ксения Сергеевна Барабанова. — Санкт-Петербург, 2017. — 201 с.

Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. — Санкт-Петербург: А. Д. и П. Д. Погодины, 1890. — Кн. III. — 396 с.

Батшев, М. Память о холере 1830–1831 годов в Москве в дневниках, письмах и мемуарах / М. Батшев, С. Трифонова // Историческая экспертиза. — 2020. — № 3. — С. 184–201.

Васильев, К. Г. История эпидемий в России. Материалы и очерки / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал; под ред. А. И. Метелкина. — Москва: Медгиз, 1960. — 398 с.

Высочков, А. В. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам / А. В. Высочков, А. А. Шелаева // *Studia historica gedanensia*. — 2021. — Т. XII. — С. 259–288.

Герцен, А. И. Былое и думы / вступ. статья В. А. Путинцева; примеч. Н. П. Ждановского. Т. 1, Ч. 1–3. / А. И. Герцен. — Москва: Гослитиздат. — 1958. — 455 с.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений / гл. ред. Н. Л. Мещеряков; АН СССР, Ин-т литературы (Пушкин. дом). — Т. 10. — Письма. — 1820–1835 / ред. В. В. Гишпиус / Н. В. Гоголь. — Москва: Изд-во АН СССР, 1940. — 490 с.

Золотницкий, В. Н. Азиатская холера: причина ее, пути распространения и меры борьбы с нею / В. Н. Золотницкий. — Нижний Новгород: Тип. № 3, 1919. — 31 с.

Никитенко, А. В. Дневник / А. В. Никитенко. — Москва: Гослитиздат, 1955. — Т. 1. 1826–1857. — 542 с.

Никитенко, А. В. Александр Иванович Галич, бывший профессор философии в С.-Петербургском университете / А. В. Никитенко // Журнал Министерства народного просвещения. — Санкт-Петербург, 1869. — Январь. Ч. CXLI. — С. 1–100.

Фортуатов, Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы / Ф. Н. Фортуатов // Русский архив. — 1869. — № 2. — Стб. 305–340.

Ховен, И. Р. Холера в Санкт-Петербурге в 1831 году / И. Р. Ховен // Русская старина. — 1884. — Т. 44. — С. 391–400.

Шерих, Д. Ю. Агонизирующая столица: Как Петербург противостоял семи страшнейшим эпидемиям холеры / Д. Ю. Шерих. — Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: Русская тройка-СПб., 2014. — 284 с.

Landowski, Z. Reakcje społeczne na pierwszą pandemię cholery w carskiej Rosji na podstawie przeglądu prasy i dokumentów z epoki (XIX w) / Z. Landowski // Studia historica gedanensia. — 2021. — Т. XII. — S. 289–323.

McGrew, R. E. Russia and the Cholera, 1823–1832 / R. E. McGrew. — Madison: University of Wisconsin Press, 1965. — 229 p.